

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

165
1873

Рълау 318.10

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ЯНВАРЬ

1873.

ЧЕТВЕРТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СЛXV.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Большая Садовая, д. № 49—2.

1873.

Въ 1873 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія.

**Историческій очеркъ дѣятельности Везувія
съ 1857 года до нашихъ дней. А. А. Иностранцева.**

**Ясонъ Слогоржевскій, полоцкій униатскій
архіепископъ, въ послѣдствіи униатскій
митрополитъ М. О. Кояловича.**

Готская епархія въ Бремену. Архимандр. Арсенія.

„Опытъ русской исторіи“ Рейта Н. А. Лавровскаго.

Бритическія и библиографическія замѣтки:

**Дипломатическія сношенія древней Россіи съ
государствами италіанскими Ю. Э.**

Элементарная школа въ Германіи Н. Н. Новикова.

Современная лѣтопись.

(См. на 3-й стр. обѣртки).

„ОПЫТЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ“ РЕЙТА.

(Specimen historiae Rossorum. Pars prior. Auctore Bernhardo Reith. Charcoviae 1811 года).

Едва-ли кому въ настоящее время извѣстно не только содержаніе, но и существованіе книги съ выписаннымъ выше заглавіемъ. Въ свое время она не обратила на себя должнаго вниманія, и Карамзинъ, трудившійся въ то же время надъ рѣшеніемъ тѣхъ же вопросовъ, какъ и Рейтъ, не упоминаетъ о ней вовсе. Въ послѣдствіи, не вызываемая на свѣтъ Божій никакими указаніями, она окончательно предана была неизвѣстности, предназначенной ей вслѣдъ за ея рожденіемъ. А между тѣмъ книга эта заслуживаетъ нѣкотораго вниманія уже потому, что представляетъ собою первый у насъ опытъ краткаго очерка русской исторіи, задуманный и исполненный, хотя и не вполне, ученымъ Нѣмцемъ, но съ добросовѣстнымъ примѣненіемъ въ нему исторической критики; замѣчательна она по опытамъ рѣшенія тѣхъ вопросовъ изъ первоначальной нашей исторіи, которые до настоящей минуты продолжаютъ занимать нашихъ историковъ; замѣчательна она, наконецъ, и какъ первый опытъ ученаго изложенія русской исторіи съ университетской кафедрѣ въ первое десятилѣтіе нашего вѣка. Нельзя не пожалѣть, что задуманный почтеннымъ авторомъ очеркъ выглянулъ на свѣтъ Божій только незначительною своею частію (до татарскаго погрома). Намъ казалось не излишнимъ предложить вниманію читателей существенную часть сочиненія Рейта и тѣмъ извлечь его изъ незаслуженной имъ, по видимому, неизвѣстности ¹⁾.

¹⁾ Бернгардъ Осиповичъ Рейтъ принадлежитъ къ числу иностранныхъ профессоровъ Харьковскаго университета перваго вызова, появившихся въ Харьковъ ко времени открытія университета. Уроженецъ г. Майнца (род. въ 1768 году), онъ въ этомъ городѣ получилъ начальное образованіе, послѣ чего слушалъ лекціи въ Вѣнскомъ, Лейпцигскомъ и Геттингенскомъ университетахъ. По окончаніи курса онъ служилъ нѣкоторое время по гражданской службѣ и въ

Въ началѣ, указывая на основную тему своего сочиненія, Рейтъ говоритъ: „Константинъ Багрянородный представляетъ древнѣйшее доказательство, что Русское государство было устроено на дружинномъ началѣ, и что вся область раздѣлена была между князьями. Удивительно, что Геродотово *Γέρρος*, означающее страну Царскихъ скивовъ, лежащую выше Кіева къ сѣверу, и *Γόρα* (*Gard, Gardagkia*) Константина Багрянороднаго, и по названію, и по положенію между собою сходствуютъ. Не должно ли разумѣть подъ *Герромъ* Малый Танаисъ (Донецъ)“? Перечисливъ затѣмъ главные источники, которыми онъ пользовался: Бертинскія лѣтописи, Константина Багрянороднаго, Нестора, Степенную книгу, родословныя и разрядныя книги (достоверность послѣднихъ трехъ источниковъ признается сомнительною: „*quorum vero auctoritas aequalibus posthabenda aprocryphae popnisi est*), труды Миллера, Шлёцера и Башилова, авторъ высказываетъ сожалѣніе, что изданіе дипломатическихъ актовъ, сборника договоровъ и проч. остается до сихъ поръ *inter pia desideria*. Въ предисловіи перечисляются народы, обитавшіе въ области древнѣйшаго Русскаго государства, и сосѣдніе съ ними: Сарматы, отличные отъ Скивовъ, жившіе сначала за Азовскимъ моремъ, въ послѣдствіи подвинувшіеся до Дуная и бывшіе, подъ именемъ Славянъ и Антовъ, грозю Византійской имперіи; Гунны, перешедшіе въ IV вѣкѣ Донъ и повлекшіе за собою переселеніе народовъ, послѣдствіемъ котораго было образованіе государствъ Аварскаго и Болгарскаго и вытѣсненіе Славянъ съ Дуная къ Днѣпру и Волхову; Хазары, которые жили сначала между Каспійскимъ и Азовскимъ морями и потомъ, по покореніи въ VII вѣкѣ Угровъ и Славянъ, поселились на Днѣпрѣ, Ожѣ и Сожѣ, овладѣли большею частію Херсонеса Таврическаго и распространили свою область отъ Каспійскаго моря до Дуная, съ residen-

1804 году, 2-го сентября, былъ принятъ на службу въ Харьковскій университетъ тогдашнимъ попечителемъ, С. Потоцкимъ, для преподаванія исторіи европейскихъ государствъ и статистики. Въ 1806 году былъ избранъ университетскимъ совѣтомъ въ адъюнкты, но утверждень въ этомъ званіи только 10-го августа 1809 года; въ 1811 году утверждень въ званіи экстраординарнаго профессора, а въ 1814 (19-го іюля) ординарнымъ. Изъ замѣчательныхъ его сочиненій, напечатанныхъ еще за границей, назовемъ слѣдующія: 1) Историко-политическія письма съ опытомъ исторіи бывшаго прежде имперскаго города Майнца. Мангеймъ. 1789; 2) Исторія королевской власти и государственныхъ переиѣтъ во Франціи послѣ паденія лиги до начала республики. 1-я часть. Лейпцигъ 1796 — 1797; 3) Очеркъ революціи въ Италиі. 1 часть. Исторія государственныхъ переиѣтъ въ Венеціанской республикѣ отъ ея начала до основанія наследственной аристократіи. Лейпцигъ. 1797. Остальное — переводы и путешествія.

ціей кагана въ устьяхъ Волги. Въ заключеніе, Рейтъ приводитъ актъ призванія князей и высказываетъ рѣшительное мнѣніе, что первоначальное устройство Русскаго государства было феодальное. Дружинничество или феодальная система, являющаяся въ разные времена въ различныхъ видахъ, по его мнѣнію, есть первоначальная и древнѣйшая форма государственнаго устройства у всѣхъ народовъ: она замѣчается и у народовъ дикихъ, а также у Грековъ и Римлянъ, особенно у Готовъ вообще и у Германцевъ въ частности. Римская республика потому и погибла, что разрушилась первоначальная система патронатовъ и клиентелъ, и авторъ удивляется, что римскіе историки просмотрѣли смыслъ общаго явленія, хотя и указываютъ на явленія частныя, напримѣръ, на переселеніе въ Римъ Аппія Клавдія со всѣми клиентами и т. д. У Галловъ, во время Юлія Цезаря, первоначальный феодальный порядокъ оказывается ужъ извращеннымъ, такъ какъ наибольшая часть туземцевъ долгами или насиліемъ обращена была въ рабство. Можно ли сомнѣваться, что и первоначальное устройство Русскаго государства основано было на той же системѣ, на раздѣленіи и подраздѣленіи областей? А потому заблуждаются тѣ, которые утверждаютъ, что феодальная система никогда не существовала въ Россіи. Главную причину, почему эта система у насъ развилась иначе, чѣмъ у другихъ народовъ, должно искать въ совершенно отличномъ народномъ характерѣ Славянъ.

Затѣмъ начинается краткое изложеніе русской исторіи. Напечатанный выпускъ обнимаетъ собою только часть перваго періода, по дѣленію Рейта, отъ Рюрика до Іоанна III (862—1462) и заключаетъ въ себѣ два отдѣла: 1) отъ Рюрика до смерти Владиміра (862—1015) и 2) отъ смерти Владиміра до нашествія Монголовъ (1015—1238). Послѣдній отдѣлъ, до смерти Юрія Долгорукаго, предлагается въ особой главѣ; слѣдующая глава, послѣ краткаго очерка дѣятельности Владимірскихъ князей отъ Андрея Боголюбскаго до Георгія Всеволодовича (1158—1218), вся посвящена обзорнѣю Монголовъ и родственныхъ имъ восточныхъ народовъ, а также сосѣднихъ съ ними Гунновъ, Турокъ, Татаръ, и краткому очерку постепеннаго распространенія владычества Монголовъ до тѣхъ размѣровъ, въ какихъ оно является предъ нашествіемъ Батия на Русскую землю. Въ предлагаемомъ краткомъ очеркѣ мы обратимъ вниманіе преимущественно на тѣ мѣста книги, въ которыхъ обнаруживается собственный взглядъ автора на дѣло, какъ результатъ самостоятельнаго обследования первоначальныхъ источниковъ.

Замѣчательно, что въ 1811 году Рейтъ предлагаетъ догадку, что въ Оскольдѣ и Дирѣ должно видѣть одно лице (*Oscold et Dir una eadeinque persona forsitan censenda*), что лѣтопись ошибочно приняла за названіе другого князя обозначеніе достоинства Оскольда (*Dir, Diar*—слово гетское, греческое *Dis*). Вслѣдъ затѣмъ Рейтъ высказываетъ свое мнѣніе о походѣ Оскольда и Диры на Грековъ. Извѣстія объ этомъ походѣ. говоритъ онъ, исполнены противорѣчій, и византійскіе хронографы, которыхъ переписывалъ Несторъ (*Nestorem Byzantinos transcripsisse dubium non est*), колеблются въ опредѣленіи его времени. Впрочемъ, нельзя, кажется, сомнѣваться, что походъ дѣйствительно былъ, что онъ совершенъ былъ Россами, и именно Кіевскими, и что Византійцы не могли смѣшать ихъ ни съ какимъ другимъ народомъ. Патріархъ Фотій, въ своемъ окружномъ посланіи къ патріархамъ восточнымъ, называетъ Россовъ народомъ извѣстнымъ и славнымъ, а на основаніи извѣстія Зонары, что Россы жили близъ горы Тавра, нельзя разумѣть въ настоящемъ случаѣ Хазарь, хорошо извѣстныхъ Византійцамъ и ихъ союзниковъ, а также никакой другой народъ того же имени, жившій по берегамъ Чернаго моря и отличный отъ Россовъ—Варяговъ. Имя Тавроскиевовъ у Византійцевъ весьма неопредѣленно, и подъ союзниками Аваровъ этого имени, осаждавшихъ Константинополь, разумѣются Славяне, если кто не докажетъ, что это были Россы. Тавроскиевы, обитавшіе по берегамъ Азовскаго и Чернаго морей, — народъ, смѣшанный изъ остатковъ древнихъ скивовъ. У византійскихъ писателей очень много мѣстъ, въ которыхъ Россія и ея обитатели называются Тавроскиевіей, Тавроскиевами. Россы первого похода на Царьградъ у нихъ называются Дромитами и признаются за Франковъ (Варанговъ, Скандинавовъ)¹⁾. При этомъ нельзя сомнѣваться, что Славяне, превосходившіе Россовъ числомъ, участвовали въ походѣ. Что же касается до обращенія Россовъ въ христіанскую вѣру, послѣ несчастнаго исхода предпріятія, то Рейтъ удивляется, что Фотій, въ упомянутомъ окружномъ посланіи, говоритъ о совершившемся въ одно и то же время обращеніи въ христіанство Болгарь и Россовъ, и признавая это извѣстіе преувеличеннымъ, допускаетъ, что нѣсколько Славянъ и Россовъ могли креститься²⁾.

¹⁾ Весьма любопытно сравнить это мнѣніе о Тавроскиевыхъ съ мнѣніемъ Бруга (*Forschungen etc. II, 807 — 828*).

²⁾ «Тогда-то, кажется, крестился одинъ изъ князей, если не оба», говоритъ

Съ большею рѣшительностію говорить Рейтъ о походѣ Олега на Царьградъ. Вотъ какъ онъ опредѣляетъ въ немногихъ словахъ дѣятельность Олега: „Занявъ Смоленскъ и Любечъ, слѣдуя по теченію Днѣпра, съ цѣлю основать государство между Балтійскимъ и Чернымъ морями (imperium mare Balticum inter et Pontum Euxinum conditurus), овладѣвъ, по умерщвленіи Оскольда и Дира, Киевомъ, онъ обращаетъ въ своихъ данниковъ Древлянъ, Сѣверянъ и Радимичей. Послѣ того, онъ заключаетъ дружественный и торговый договоръ съ Византійскою имперіей, и по видимому, безъ всякой войны, отправляетъ туда пословъ для возобновленія или утверженія этого договора“. Такое заключеніе авторъ подтверждаетъ слѣдующими соображеніями. Византійскіе писатели, обыкновенно съ усердіемъ записывавшіе малѣйшія подробности событій, даже собственныя пораженія, вовсе не упоминаютъ о счастливомъ русскомъ походѣ, говоря только подъ тѣми же годами, что Россы (Варяги) служили въ императорскомъ войскѣ наемниками, на сушѣ и на морѣ: не удивительно ли ихъ молчаніе объ осадѣ Константинополя Россами, съ огромнымъ войскомъ и флотомъ, въ царствованіе Льва Философа (по показанію русской лѣтописи), императора просвѣщеннаго и законодателя? Невѣроятнымъ кажется и то обстоятельство, что походъ съ такимъ войскомъ, частію шедшимъ сухимъ путемъ, частію плывшимъ по Днѣпру на однодеревкахъ, могъ совершиться безъ всякаго нападенія со стороны Хазаръ, Печенѣговъ и другихъ народовъ. Отсюда должно заключать, что войны не было никакой, и походъ Олега должно объяснять торговыми и служебными цѣлями (ex hisce colligendum, bellum nullum intercessisse, expeditionemque Olegi commerciis stipendiisque merendis referendam esse). Самый договоръ, дружественный и торговый, занесенный въ лѣтопись Нестора, есть древнѣйшій памятникъ русской дипломатіи. Извѣстно, что наши историки приводятъ in extenso описаніе этого похода по русской лѣтописи, съ тою, впрочемъ, общею оговоркою, что преданіе въ послѣдствіи могло изукрасить событіе въ подробностяхъ, напримѣръ, о числѣ войска и кораблей, о перевозѣ кораблей сухимъ путемъ на колесахъ, о щитѣ на вратахъ Царяграда и др. (*Карамзинъ*, I. 130 и слѣд., *Соловьевъ*, I. 105 и слѣд., *Погодинъ*, I. 20 и слѣд.). Только г. Вестушевъ-Рюминъ ограничивается слѣдующими словами: „Олегу отправился въ свой знаменитый походъ къ Царяграду, поэтическия преда-

г. Вестушевъ-Рюминъ. «Говорю одинъ потому, что надъ однимъ (Аскольдомъ) построена церковь». П. С. Р. Л. I, 10. (II, 99).

нія о которомъ вошли въ лѣтопись. Результатомъ похода были два договора—древнѣйшіе памятники русскаго права" (II. 100—101). Гг. Соловьевъ и Погодинъ вовсе не упоминаютъ о молчаніи византійскихъ лѣтописей, хотя Карамзинъ призналъ необходимымъ остановиться на этомъ обстоятельстве и обсудить его. „Греческіе историки“, говоритъ онъ, „молчатъ о семъ важномъ случаѣ (при этомъ, въ примѣчаніи, перечисляются византійскіе лѣтописцы); но когда лѣтописецъ нашъ не позволялъ дѣйствовать своему воображенію и въ описаніи древнихъ, отдаленныхъ временъ, то могъ ли онъ, живучи въ XI вѣкѣ выдумать происшествіе десятаго столѣтія, еще свѣжаго въ народной памяти? Могъ ли съ дерзости увѣрить современниковъ въ истинѣ онаго, еслибъ общее преданіе не служило ей порукою“. Въ примѣчаніи (316), кромѣ того, Карамзинъ старается объяснить затруднявшее его обстоятельство тѣмъ, что византійская исторія 813—959 годовъ весьма не полна, и что не всѣ византійскіе лѣтописцы дошли до насъ, а также тѣмъ, что нѣкоторыя важныя событія нашей исторіи не оказываются въ византійскихъ лѣтописяхъ, на примѣръ, обстоятельства женитьбы Владимира на греческой царевнѣ Аннѣ¹⁾. Указанія на мнѣнія нашихъ историковъ о походѣ Олега и о другихъ событіяхъ нашей исторіи, которыхъ касается Рейтъ, приводятся здѣсь и ниже съ единственною цѣлью сколько-нибудь опредѣлить относительное достоинство мнѣній автора очерка о тѣхъ же событіяхъ. Понятно, что при этомъ опредѣленіи необходимо всегда имѣть въ виду время, когда эти мнѣнія были высказаны.

Великая княгиня Ольга, по мнѣнію Рейта, была выше своего вѣка, а потому ея дѣятельность породила народныя преданія, которымъ Несторъ, по видимому, слишкомъ много довѣрялъ (*traditionibus vulgaribus nimium indulsisse*). Разказъ о мщеніи Ольги за смерть мужа Рейтъ прямо называетъ вымышленнымъ (*maximam in partem commentitius*), а относительно крещенія ея въ Константинополѣ соглашается съ тѣми, которые, на основаніи умолчанія о немъ Константиномъ Багрянороднымъ, описавшимъ съ величайшею подробностію всѣ церемоніи ея пріема, утверждаютъ, что оно совершилось до ея путешествія. Самое путешествіе, по его мнѣнію, не лишено было по-

¹⁾ «Но точно ли совершилъ Олегъ походъ сей», спрашиваетъ Полевой, и отвѣчаетъ: «сомнѣніе весьма основательно, ибо греческіи лѣтописи ничего не говорятъ объ ономъ». Неполнота византійской исторіи до половины X вѣка и «сказочныя прибавки» въ разказѣ русской лѣтописи служатъ для Полеваго основаніями довѣрія къ послѣдней (Ист. р. нар. I, 118—119).

литическихъ цѣлей (*peregrinationem Olgæ rationibus politicis persequisse*). Сомнѣнія о крещеніи Ольги въ Константинополь начались давно, и съ ними имѣлъ дѣло еще Карамзинъ, объяснявшій умолчаніе Константина Багрянороднаго тѣмъ, что „въ книгѣ, сочиненной *единственно* для описанія придворныхъ обрядовъ, не было нужды говорить о крещеніи Ольгиномъ: притомъ, крещеніе въ Константинополь достаточно подтверждается свидѣтельствами Кедрина, Зонары и продолжателемъ Региноновой лѣтописи“ (I, примѣч. 381). То же объясненіе приводитъ и пр. Макарій, присоединяя въ упомянутымъ двумъ Византійцамъ Іоанна Скилиту Курополата (XI вѣка)¹⁾. Гг. Соловьевъ и Погодинъ не упоминаютъ объ этомъ умолчаніи; первый не отрицаетъ только, что „Ольга была уже въ Киевѣ знакома съ христіанствомъ и предубѣждена въ его пользу, что это предубѣжденіе могло сильно содѣйствовать къ принатію христіанства въ Царѣградѣ, но что отъ предубѣжденія въ пользу до рѣшительнаго шага еще далеко“ (I, 127). И не смотря на всѣ эти соображенія, умолчаніе Константина Багрянороднаго остается до сихъ поръ затрудненіемъ, сохраняющимъ свою силу, пока новыя и прамыя свидѣтельства устранять его окончательно, если, наоборотъ, не окажутся свидѣтельства, отрицающія умалчиваемое Константиномъ Багрянороднымъ событіе. Едва-ли какими-либо соображеніями возможно объяснить отсутствіе указанія на столь важное обстоятельство въ столь подробномъ описаніи пріемовъ Ольги въ Константинопольскомъ дворцѣ. Что патріархъ поучалъ Ольгу новой вѣрѣ, церковнымъ законамъ, уставамъ и порядкамъ, что она внимала этому ученію „аки губа напоема“, это совершенно естественно; но она могла внимать ему и крещенная. Къ воспоминаніямъ объ этомъ ученіи, которое могло совершаться въ церкви, въ торжественной обстановкѣ, въ послѣдствіи, спустя сто лѣтъ, могъ присоединиться и актъ самаго крещенія. Извѣстно, что есть основанія заключать о крещеніи Владиміра въ Киевѣ до Корсунскаго похода. Какъ бы то ни было, вполне понятна та осторожность, съ какою выражается объ этомъ обстоятельстве г. Вестужевъ-Рѣмизъ: „Окончивъ устройство своей земли, Ольга поѣхала въ Константинополь, и по свидѣтельству лѣтописца, крестилась тамъ“; въ примѣчаніи: „Есть еще другая трудность: Константинъ не говоритъ о крещеніи Ольги.

¹⁾ «Въ видѣ евангеліе бытописателю, говорить преем. Макарій.—вовсе неумѣстно было говорить въ своемъ *Обрядникѣ* о такомъ происшествіи, которое ни въ какомъ смыслѣ не могло быть отнесено къ придворному обряду». Ист. христ. въ Россіи, стр. 309.

Слѣдственно, можно предположить, что она крестилась уже въ Кіевѣ, что тѣмъ болѣе возможно, что съ нею былъ ея духовникъ Григорій. Пр. Евгеній разрѣшаетъ дѣло тѣмъ, что Константину не за чѣмъ было говорить о крещеніи, ибо онъ разказывалъ только о церемоніяхъ двора; на этомъ едва-ли можно успокоиться“ (II, 102). Въ виду столь многочисленныхъ объясненій событія, доселѣ вполнѣ не объясненнаго, сомнѣніе, высказанное Рейтомъ въ 1811 году, получаетъ свое значеніе.

Затѣмъ Рейтъ переходитъ къ объясненію извѣстнаго мѣста Константина Багрянороднаго о собраніи дани русскими князьями съ своихъ данниковъ, мѣста, которое было камнемъ преткновенія для многихъ. Я приведу его латинскій переводъ съ его курсивами и вставками, показывающими, какъ онъ понималъ все это мѣсто. „*Hiberna vero et aspera Rossorum vivendi ratio est. Ineunte Novembri mense, quamprimum eorum principes cum universa Rossorum gente (clientibus Rossis) egrediuntur Ciabo (Kiovia), et in oppida (πορδία) proficiscuntur, quae Gyra dicuntur, aut in Sclabica loca (Sclabinias) Berbianorum, Drugubitarum, Cribitzarum, Serbiorum reliquorumque Sclaborum, qui Rossis tributarii sunt. Illic vero peracta tota hyeme rursus Aprili mense, soluta glacie Danapris fluvii, Ciabum descendunt*“ (22—23). Къ этому Рейтъ присоединяетъ изъ 42-й главы того же сочиненія Константина слѣдующее мѣсто: „*Superiores Danapreos fluminis partes Rossi accolunt, per quod navigantes ad Romanos proficiscuntur*“. Въ этой послѣдней главѣ Константинъ, разказавъ о построеніи Саркела, перечисляетъ рѣки между Саркеломъ и Дунаемъ, и упомянувъ о Днѣпрѣ, дѣлаетъ приводимое Рейтомъ замѣчаніе о Россахъ верхняго Днѣпра. „До сихъ поръ“, говоритъ Рейтъ, „всѣ истолкователи русскихъ древностей оставили это мѣсто не тронутымъ, между тѣмъ, какъ оно заслуживаетъ быть вырѣзаннымъ на золотыхъ доскахъ (*dignum ut aureis in tabulis figatur*). Тунманъ называетъ *ирами* самую западную страну Русскаго государства и отождествляетъ ихъ съ Гардарикіей. Я думаю, что Геродотово Гѣрросъ и Константиново Гѣра, Gard, Grad, Gorod—одно и то же означаютъ ¹⁾. Слово *Gerr*—готское и означаетъ строеніе, жилище,

¹⁾ Хотя сопоставленіе Гѣрросъ и Гѣра не можетъ быть оправдано, тѣмъ не менѣе, по причинѣ важности, придаваемой Рейтомъ опредѣленію рѣки, называемой Геродотомъ Гѣрросъ, приведу относящееся сюда мѣсто въ подлинникѣ: ἔβρομος δὲ Γέρρος ποταμὸς ἀπέσχιται μὲν ἀπὸ τοῦ Βοροσθένης, κατὰ τοῦτο τῆς χώρας ἐς ὃ γίνωσκειται ὁ Βοροσθένης. ἀπέσχιται μὲν νῦν ἐκ τούτου τοῦ χώρου, οὐνομα δὲ ἔχει τό περ ὁ χώρος αὐτός, Γέρρος. ῥέων δ' ἐς θάλασσαν, οὐρίζει τὴν τε τῶν Νομάδων χώραν, καὶ τὴν τῶν Βασιλῆων Σκυθῶν ἐκδοῖ δὲ ἐς τὸν Ὑπάρχον (Изд. Гасфорда,

отъ глагола *at gera* (*gioera*)—дѣлать, готовить, отсюда *Gardr*—насыпь, стѣна, домъ, укрѣпленіе, граница, *Asa Gardar*—границы Асовъ. Байеръ правильно опредѣляетъ двойное значеніе слова *Gard*—лагерь, крѣпость и страна; должно только присовокупить, что основное значеніе относится къ границамъ, безъ всякаго отношенія къ пространству. Изъ приведенныхъ мѣстъ Константина Багрянороднаго должно заключить: 1) что Россы отличны отъ Славянъ; отличие это подтверждается самимъ Несторомъ и названіями, русскими и славянскими, Днѣпровскихъ пороговъ; 2) что Россы, будучи малочисленнѣе Славянъ, ихъ данниковъ, установили тотъ же родъ жизни, какъ Франки и Готы, по покореніи Галліи и Италіи, а также другіе народы, пока не слились въ одинъ народъ съ побѣжденными; 3) какъ Россы отличны отъ Славянъ, такъ отличны и ихъ области, то-есть: область, раздѣленная и подраздѣленная между русскими князьями и простыми Россами, отдѣльна отъ области Славянъ,—доказательство, что государство основано на дружинномъ началѣ или по системѣ феодальной, утвердившейся у Франковъ, Скандинавовъ и другихъ варварскихъ народовъ; 4) область князей—*Guga, Gard*, страна вообще, страна городовъ (укрѣпленныхъ мѣстъ), *Garda-rikia*, страна странъ, царство страны, и въ частности *Guga-Gard*, города съ прилежащими къ нимъ участками земли (*полѣдѣа*); 5) *Guga, Gard, Garda-rikia*, лежащая въ верхнихъ частяхъ Днѣпра и окруженная разными городами съ ихъ собственными границами, Скандинавами называлась Россіей въ тѣсномъ смыслѣ; 6) главный городъ—Кіевъ, мѣсто общаго собранія, отдѣльный отъ пограничныхъ городовъ. Дополнительные объясненія словъ—*γύρα, πολύδια*, а также мнѣніе о неправильности перевода нарѣчія ἤτοι союзомъ *aut*, предложены нами въ статьѣ: „Замѣчаніе о гирѣ Константина Багрянороднаго“. Замѣтимъ здѣсь только, что Рейтово объясненіе слова *γύρα* тождественно съ объясненіями Тунмана и г. Куника; послѣдній, хотя и придаетъ слову *πολύδια* значеніе

Лейпцигъ. 1824. стр. 395). Къ сожалѣнію, наши историки не входятъ въ опредѣленіе скинскихъ рѣкъ, перечисляемыхъ Геродотомъ. Карамзинъ ограничивается слѣдующимъ замѣчаніемъ: «Кромѣ Днѣпра, Буга и Дона, вытекающаго изъ озера, сей историкъ именуетъ еще рѣку Днѣстръ, Прутъ, Сереть и говоритъ, что Скиѣи вообще можетъ славиться судоходными рѣками» (I. 9). Г. Соловьевъ, переходя къ описанію Скиѣи по Геродоту, «оставляетъ всѣ многочисленные и противорѣчивыя толкованія о положеніи скинскихъ рѣкъ, упоминаемыхъ у Геродота», хотя самъ называетъ свидѣнія, сообщаемыя Геродотомъ о Скиѣи, драгоценными по точности (I. 26, 28).

мѣстечка (Flecken), однако все мѣсто переводить такъ: „отправляются въ страны, называемыя *ирами*“.

Для дальнѣйшей характеристики Россовъ, Рейтъ приводитъ другое столь же извѣстное мѣсто изъ того же сочиненія Константина Багрянороднаго (гл. IX) о плаваніи на однодеревкахъ Россовъ и Славянь отъ Новгородѣ до Константинополя и не соглашается съ мнѣніемъ Байера о заблужденіи Константина, будто бы помѣстившаго Новгородъ на Днѣпрѣ, заблужденіи, побудившемъ Делия разумѣть подъ нимъ Новгородъ Сѣверскій. Изъ контекста Константина, справедливо утверждаетъ Рейтъ, не слѣдуетъ, чтобъ онъ полагалъ Новгородъ на Днѣпрѣ, ибо онъ, по видимому, правильно отличалъ Россовъ, обитавшихъ въ верхнихъ частяхъ Днѣпра, и дальнѣйшую Россію. Однодеревки (наибольшая ихъ часть), приплывающія къ Константинополю, *отправляются* изъ Новгорода и частію озерами и малыми рѣками, частію сухимъ путемъ, достигаютъ Смоленска; другія *спускаются* (descendant) до Смоленска изъ другихъ городовъ. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что дальнѣйшая Россія, или Новгородъ съ его областью, заключалась въ границахъ Гардарикіи. Въ томъ же описаніи Константинъ перечисляетъ семь пороговъ въ нижнихъ частяхъ Днѣпра, начавъ счетъ ихъ по теченію Днѣпра и присоединивъ къ нимъ русскія и славянскія названія. „Удивительно“, говоритъ Байеръ, „что никто не могъ объяснить русскія названія; они не заключаютъ въ себѣ ничего славянскаго“. Названія эти, по мнѣнію Рейта, должно признать *гетскими* и соотвѣтственно тому объяснять; они даны народомъ, жившимъ въ нижнихъ частяхъ Днѣпра до поселенія въ нихъ Россовъ, и вѣроятно, искажены съ теченіемъ времени. Для исторіи довольно и того вывода, что императоръ отличалъ названія русскія отъ названій славянскихъ, и вовсе не слѣдуетъ изъ этого отличія вывести происхожденіе однихъ Россовъ. Очнь многіе, продолжаетъ Рейтъ, и между ними Тунманъ, заслуживающій полнаго вниманія (minime cavillandus), пытались объяснить русскія названія, — и вслѣдъ затѣмъ приводятъ для образца, объясненіе названія пятаго порога, *Зиррофорос*, производя его отъ *Barr* — дерево и глагола *ek Ferr* — несу, везу, перевозжу, особенно на кораблѣ; прошедшее *For*, отсюда *Fors* — порогъ. Замѣтивъ объ указаніи на Днѣпровскіе пороги Амміана Марцеллина (XXII. 8) и объ отсутствіи этого указанія у Геродота, Рейтъ возвращается къ Константинову описанію плаванія на однодеревкахъ Россовъ и Славянь до Константинополя, при чемъ предлагаетъ догадку о чтеніи вмѣсто *Σορίαν* текста — *Ζηρίαν*. Мѣсто

это въ подлинникѣ читается такъ: „ἐξ οὗ (Δαναῶρες) καὶ οἱ Ρῶς διερχονται πρὸς τε τὴν μαύρην Βουλγαρίαν καὶ Χαζαρίαν καὶ Συρίαν“, то-есть: изъ Днѣпра Россы отправляются въ Черную Болгарію, Хазарію, Сирію. Очевидно, говорить Рейтъ, что Россы изъ Черной Болгаріи и Хазаріи должны были дѣлать необычный скачокъ въ Сирію, и Байеръ и Шлецеръ преткнулись объ это мѣсто, крайне удивленные (hoc in loco haesere, nonnisi maxime attoniti). Стриттеръ первый подозрѣвалъ ошибку въ этомъ мѣстѣ, а Гиббонъ предложилъ чтение *Σαυίαν* вмѣсто *Συρίαν*; *Σαυία* лежитъ между землями Хазаръ и Лазовъ. Но Суаны, Соаны или Цаны, говорить Рейтъ, обитали, по Страбону, на вершинахъ Кавказа, самые удаленные отъ моря, отдѣляемые отъ него неприступными и покрытыми вѣчнымъ снѣгомъ горами и непроходимыми пропастями, а потому и не могутъ быть приводимы въ связь съ Россами: Зихи же, сосѣди Хазаръ, жили при морѣ и легко доступны; а потому, по соображенію географической связи, а также торговыхъ сношеній въ IX вѣкѣ, особенно VI-й главы „de administrando imperio“¹⁾, должно читать *Ζιχίαν* вмѣсто *Συρίαν* текста. Карамзинъ, приведя это мѣсто и сославшись на Стриттера (I. 243), въ примѣчаніи (514) также выразилъ сомнѣніе о Сиріи и указалъ на чтение Гиббона (*Σαυίαν*).

Указавъ на значеніе Кіева по Гельмольду и Адаму Бременскому, Рейтъ предлагаетъ конспективное обозрѣніе слѣдующихъ княженій, при чемъ останавливается нѣсколько на болгарскомъ походѣ Святослава и на греческомъ Владиміра Ярославича, съ цѣлію соглашенія извѣстій русскихъ и византійскихъ. Замѣчательно, что по поводу извѣстія о женитьбѣ французскаго короля Генриха I на Аннѣ, дочери Ярослава, Рейтъ почелъ нужнымъ дать весьма рѣзкій отвѣтъ Вольтеру, выразившему удивленіе, что французскій король имѣлъ жену изъ скинскаго народа, дочь какого-то мало извѣстнаго Ярослава²⁾. „Собственная область Генриха“, говорить Рейтъ, „ограничи-

¹⁾ Ὅτι καὶ ἕτερος λαὸς τῶν τοιοῦτων Πατζιναχитῶν τῷ μέρει τῆς Χερσῶνος παραίχονται οἵτινες καὶ πραγματεύονται μετὰ τῷ Χερσωνιτῶν, καὶ ποιῶσι τὰς δουλείας αὐτῶν τε καὶ τοῦ βασιλέως εἰς τε τὴν Ρωσίαν καὶ Χαζαρίαν καὶ τὴν Ζιχίαν καὶ εἰς πάντα τὰ ἐκεῖθεν μέρη κ τ. δ.

²⁾ «Ce qu'il y eut d'assez remarquable», говорить Вольтеръ, «c'est le mariage du roi Henri, père de Philippe, avec une princesse de Russie, fille d'un duc nommé *Jaroslau*. On ne sait si cette Russie était la Russie noire, la blanche, ou la rouge. Cette princesse était-elle née idolâtre, ou chrétienne, ou grecque? changea-t-elle de religion pour épouser un roi de France? comment dans un temps où la communication entre

влася Иль-де-Франсомъ, и королевство Французское, разбитое на области герцоговъ и графовъ, страдало отъ бѣдствій извращенной феодальной системы. Состояніе Русскаго государства было совершенно иное: оно хотя и страдало отъ неблагоприятной патримоніальной системы, но вредное вліяніе ея часто исправляемо было верховною властію. Русское государство превосходило тогда Францію и пространствомъ, и единствомъ силъ, и проникалось мало по малу греческою образованностію. Ярославъ, идя по слѣдамъ отца, заботился о переводѣ греческихъ книгъ на отечественный языкъ и объ образованіи благороднаго юношества. Русскій народъ, смѣлый, неоднократно наносившій войну Восточной Римской имперіи и дорого продававшій миръ грекамъ, извѣстенъ былъ и по своей торговлѣ. Отсюда видна странность недоумѣнія Вольтера, какимъ образомъ Генрихъ могъ узнать Ярослава, Кіевскаго князя. По вышеупомянутымъ дѣйствіямъ, по бракамъ сыновей и дочерей, онъ былъ довольно извѣстенъ Византіи, Германіи, Польшѣ, Венгріи, Норвегіи и даже Англии, и такъ связанъ съ Европою, что кровь Бурбоновъ должно почитать достойно (*haut immerito*) смѣшанною съ кровью Македонянъ, можетъ-быть, Арзакидовъ и Рюриковичей“. Послѣдняя мысль соотвѣтствуетъ слѣдующей мысли Гиббона въ его „Исторіи паденія Римской имперіи“, на которую и ссылается нашъ авторъ: „*Romain (959 — 963) eut de son mariage avec cette femme dénaturée (Théophane) deux fils, qui parvinrent au trône sous le nom de Basile II et de Constantin IX; il en eut aussi deux filles qui portèrent les noms d'Anne et de Théophane. L'ainée épousa Otton II, empereur d'Occident, la plus jeune fut mariée à Wodolimir, grand duc et apôtre de Russie, et sa petite fille ayant épousé Henri I, roi de France, le sang des Macédoniens et peut être celui des Arsacides coule encore dans les veines de la famille des Bourbons*“ (Hist. de la décad. etc. Paris. 1794. chap. XLVIII, p. 311). Изъ приведеннаго мѣста Рейтова очерка видно, что онъ признавалъ женитьбу

les états de l'Europe était si rare, un roi de France eut-il connaissance d'une princesse des pays des anciens Scythes? Qui proposa cet étrange mariage? L'histoire de ces temps obscurs ne satisfait à aucune de ces questions. Il est à croire que le roi des Français, Henri I, rechercha cette alliance, afin de ne pas s'exposer à des querelles ecclésiastiques. De toutes les superstitions de ces temps-là, ce n'était pas la moins nuisible au bien des états, que celle de ne pouvoir épouser sa parente au septième degré. Presque tous les souverains de l'Europe étaient parens de Henri. Quoiqu'il en soit, Anne, fille d'un *Jaroslau, duc inconnu d'une Russie alors ignorée*, fut reine de France. (Oeuvres complètes de Voltaire. 1785, XVI. p. 541).

Генриха французскаго на дочери Ярослава за не подлежащій сомнѣнію историческій фактъ. Такимъ этотъ фактъ признавался долго и послѣ Рейта, признается и теперь, нѣкоторыми же упоминается подѣ сомнѣніемъ, а иными вовсе не упоминается. Какъ бы ни судили о немъ, остаются не опровергнутыми весьма замѣчательныя историческія свидѣтельства, утверждающія его. Извѣстно, что Карамзинъ (II. 35) ввелъ въ текстъ своей исторіи часть разказа Левека о побужденіяхъ Генриха жениться на дочери Русскаго великаго князя, а въ примѣчаніи (42) приводитъ рядъ наиболѣе замѣчательныхъ, относящихся сюда, свидѣтельствъ. Замѣчательно, что Карамзинъ, по поводу этого брака, высказываетъ ту же мысль, каковую мы только что привели изъ очерка Рейта: „Франція“, говоритъ онъ, „еще бѣдная и слабая, могла гордиться союзомъ съ Россією, возвеличенною завоеваніями Олега и великихъ его преемниковъ“. Г. Погодинъ въ своей, недавно выпедшей „Древней русской исторіи до Монгольскаго ига“ (М. 1872), положи- тельно утверждаетъ объ этомъ бракѣ: „Дочь Анна отдана за короля французскаго Генриха I“ (106). Г. Соловьевъ называетъ относящіяся сюда историческія свидѣтельства „болѣе или менѣе вѣрными“, не приводя, однако, ни самыхъ свидѣтельствъ, ни основаній своего сомнѣнія въ ихъ достовѣрности. Вопросъ о бракѣ Генриха на дочери Ярослава послужилъ предметомъ особой монографіи Руссова: „Историческое розысканіе о дочеряхъ Ярослава“. С.-Пб. 1824.

Любопытно также мнѣніе Рейта о посольствѣ къ Владиміру Мономаху отъ византійскаго императора Алексѣя Комнена съ мирными предложеніями, по случаю войны съ нимъ за претендента на византійскій престолъ, внука Мономаха отъ дочери его Маріи (жены Льва, сына бывшаго императора Діогена), а также съ дарами, между которыми были: вѣнецъ (Мономахова шапка), золотая цѣпь и бармы. Извѣстно, что по позднѣйшимъ историческимъ свидѣтельствамъ, посланный съ этими дарами митрополитъ Ефесскій, Неофитъ, вѣнчалъ Владиміра императорскимъ вѣнцемъ и возгласилъ его *царемъ Россійскимъ* ¹⁾. Хотя древнѣйшія лѣтописи, говоря кратко о войнѣ Владиміра съ Греками, не упоминаютъ объ этомъ посольствѣ, однако большая часть нашихъ историковъ не находятъ основаній безусловно отвергать какъ самое посольство, такъ и дары, предложенные имъ

¹⁾ Объ этомъ разказывается въ цѣломъ рядѣ отдѣльныхъ повѣстей, изъ которыхъ древнѣйшія восходятъ къ началу XVI вѣка (Карамзинъ, II, примѣчаніе 220).

Владиміру (*Карамзинъ*, II, 153; *Соловьевъ*, II, 84; *Полюдинъ*, I, 215). Кроме того, есть свидѣтельства, также позднѣйшія, о походѣ Владиміра въ Кафу противъ Генуезцевъ, о взятіи Кафы и вывозѣ оттуда царской утвари: митры, ожерелья и скипетра (*Карамзинъ*, II, прим. 221). Мнѣніе Рейта о всѣхъ этихъ позднѣйшихъ свидѣтельствахъ весьма рѣшительно. „Нѣкоторыя хроникѣ“, говоритъ онъ, „страдаютъ смѣшеніемъ событій и вымыслами (о Владимірѣ Мономахѣ). Такъ, разказываютъ, что Владиміръ велъ войну съ императоромъ Іоанномъ Комненомъ и въ награду за заключенный миръ получилъ вѣнецъ и другіе знаки императорскаго достоинства, вѣнчанъ и провозглашенъ царемъ; разказываютъ также, что Владиміръ воевалъ съ Генуезцами и завоевалъ Кафу. Вымыселъ этотъ, особенно пріятный Генуезцамъ¹⁾, вошелъ и въ иностранныя сочиненія, съ присовокупленіемъ, что Владиміръ приобрѣлъ въ этой войнѣ отъ консула Генуезскаго, управлявшаго въ то время Кафой, серебрянный жезлъ и ожерелье. Несторъ только упоминаетъ сухо, что Владиміръ былъ предметомъ ужаса для Грековъ и Узовъ (*Nestor aridis nonnisi verbis refert, Vladimirus Graecis Uziisque terrori fuisse. 58*)“.

Приведенныхъ свѣдѣній, думаемъ, достаточно, чтобъ извлечь изъ неизвѣстности небольшую, но во всякомъ случаѣ замѣчательную для своего времени, внижку Рейта. Окончивъ свое конспективное обозрѣніе русской исторіи княженіемъ Георгія Всеволодовича, сложившаго свою голову въ битвѣ съ Татарами на рѣкѣ Сити, онъ присоединяетъ къ нему такое же обозрѣніе Монголовъ до появленія ихъ въ предѣлахъ Россіи, а также родственныхъ и сосѣднихъ съ ними народовъ, при чемъ всегда критически относится къ доступнымъ ему источникамъ и пособіямъ и нерѣдко высказываетъ свои собственные мнѣнія и догадки. Не останавливаясь на отдѣльныхъ вопросахъ въ этой части, мы ограничимся краткимъ обозрѣніемъ ея существеннаго содержанія.

Рейтъ подозрѣваетъ Монголовъ въ Геродотовыхъ Агриппеяхъ и Исседонахъ (*Herod. IV. 23*), а Турокъ въ Геродотовыхъ Гиркахъ [*Turci Herodoto Iurcarum (Туркаи, Turk) nomine cogniti*], у Помпонія Мелы и Плинія Младшаго называющихся уже Туреами. „Опираясь на географическія и историческія соображенія о переселеніяхъ восточныхъ народовъ“, говоритъ онъ, „я думаю, что Гирки, можетъ-быть, часть первоначальныхъ Турокъ, вышли изъ восточной прикаспійской области къ

¹⁾ *Карамзинъ*, II, примѣчаніе 221.

сѣверу и оттуда распространились къ западу подъ разными названіями: Печенѣговъ, Хазарь, Угровъ, Болгарь и Утievъ“ (Ὀβτιοι Геродота, Οβτιοι Страбона, Узь?). Мнѣніе о Болгарахъ приведу вполнѣ: „Болгары нѣкогда широко заселяли страну между Дономъ и Волгой, названную, по ихъ имени, Великою Болгаріей. Первое переселеніе этого народа, подвигавшагося къ Дунаю, по видимому, совершилось въ VI вѣкѣ. Въ VII вѣкѣ почти всѣ Болгары, за исключеніемъ небольшой части оставшихся на родинѣ за Дономъ, распространились въ Европѣ: нѣкъ одни сѣли по берегамъ Дона, другіе заняли страны по Дунаю до Панноніи. Поэтому страны между Дономъ и Дунаемъ, особенно между Дунаемъ и Балканами, стали называться Новою Болгаріей. Въ послѣдствіи, изгнанные изъ занятыхъ ими прежде странъ, — Фессалии, Македоніи и Фракіи, — они утвердились въ собственно такъ-называемой Болгаріи, у устьевъ Дуная или Черной. Болгары не вѣрно причисляются къ славянскому племени и должны быть отнесены къ турецкому. Смѣшавшись съ Славянами, они образовали особый народъ, называвшійся также Болгарами“. Названіе Татаръ Рейтъ видитъ въ Тохарахъ или Тогарахъ Страбона, Плинія, Юстина, Птолемея и Амміана Марцелина, а также въ Атаракъ византійскихъ писателей; Алановъ, помѣщаемыхъ Прокопіемъ между Каспійскимъ и Чернымъ морями, въ Кавказскихъ горахъ ¹⁾, и смѣшиваемыхъ имъ съ Готами и Гуннами, причисляемыхъ Страбономъ къ Массагетамъ и Сакамъ, Рейтъ, основываясь особенно на характеристикѣ ихъ у Амміана Марцелина (XXXI, 2), относитъ къ Гетамъ и отождествляетъ съ Черкасами, при чемъ приводитъ догадку о происхожденіи названія *казаки* отъ As, Asas, какъ называли себя Аланы, по свидѣтельству Рубруквиса и Юасафата Барбаро. Языкъ этихъ Черкасовъ нисколько не похожъ на языкъ турецкихъ и другихъ народовъ, а область, ими населенная, по Амміану Марцелину, простиралась до Индіи. Они же заселяли и большую часть Кипчака. Кипчакъ, говоритъ Рейтъ, — древнѣйшее названіе страны и народа. Въ обширномъ смыслѣ онъ простирался отъ Дона до Яксарта и отъ моря Каспійскаго до Ледовитаго; въ тѣснѣйшемъ смыслѣ подъ нимъ разумѣется великая равнина, опоясываемая Кавказомъ, Каспійскимъ и Азовскимъ морями, Дономъ и Волгой (Daschte-Captschac), съ измѣняющимися границами, переходящая за Волгу и оканчивающаяся къ юго-востоку рѣкою

¹⁾ Плиній (Hist. nat.): «Alani gens superflusa montibus Caucasiis» (Рейтъ, стр. 82).

Койсу. Этотъ, въ тѣсномъ смыслѣ, Кипчакъ съ древнихъ временъ заселенъ былъ разными народами сарматскаго, гуннскаго и турецкаго племенъ. До нашествія Монголовъ населяли большую часть этой страны Аланы, смѣшавшіеся съ Готами и извѣстные подъ именами Casac, Asac, Adsac, Acas, Awchac, какъ доказываетъ слово Azac (названіе города, страны и народа, Azov), встрѣчающееся на татарскихъ монетахъ, сохраняющихся въ Петербургѣ.

На Алановъ, такимъ образомъ, долженъ былъ пасть первый ударъ Монголовъ, и они потерпѣли жестокое пораженіе. Отъ приближавшагося вслѣдъ затѣмъ войска Россовъ и Узовъ (Половцевъ), Монголы притворно отступаютъ, останавливаются въ землѣ Черкасовъ и въ семидневной битвѣ разбиваютъ на голову неприятелей при Калкѣ. Окончательное завоеваніе Черкасовъ (то-есть, всѣхъ кавказскихъ народовъ), Болгаръ и Россовъ Чингисъ-ханъ, по смерти Чучи, поручаетъ его сыну Батюю. Батый съ огромнымъ войскомъ вторгается въ Россію, захватываетъ многіе города, угрожаетъ колыбели Москвы и завоевываетъ огражденный валомъ лагерь Россовъ и союзниковъ *Нѣмцевъ*, три мѣсяца храбро сопротивлявшихся (Abulgassii hist. Tatarorum genealogica, p. VIII). Германцы вообще, говоритъ Рейтъ, у Византійцевъ, Венгровъ, Турокъ, Татаръ и Славянъ назывались *Нѣмцами* (Nemitzii, Nemitzi, Nemeti). Такъ какъ Россы были лишены всякой помощи отъ сосѣдей, меченосцы были съ ними въ самыхъ враждебныхъ отношеніяхъ, а также Датчане и Шведы, то подъ союзниками-*Нѣмцами*, безъ сомнѣнія, должно разумѣть *Новгородцевъ* и *Псковитянъ* (Novogradenses Plescoviensesque). Выраженіемъ союзники-*Нѣмцы* Абульгави обозначаетъ и происхожденіе, и политическое состояніе, и прибавляетъ, что Батый подарилъ брату своему нѣкоторые русскіе и нѣмецкіе города, находящіеся въ отдаленнѣйшей и неизвѣстной (сѣверной) странѣ. Эти нѣмецкіе союзники, оказавшіеся Новгородцами и Псковитянами, обращаютъ Рейта къ древнѣйшему Новгороду.

Названія: Austrvich, Gandvich, Holmgord (Colmogorod?) служатъ доказательствомъ, что самую сѣверную страну Русскаго государства, до его основанія, заселялъ народъ, отличный отъ Славянъ и по происхожденію, и по языку. Несторъ называетъ первоначальныхъ Новгородцевъ Варягами. Съ теченіемъ времени они умножились, потому что князья неоднократно призывали на помощь Варяговъ, и связь Россовъ съ Скандинавами въ первые вѣка не прерывалась. Новгородцы, смѣшавшіеся съ Славянами, первые изъ Россовъ получили писанный законъ, Русскую Правду, основанный на равенствѣ суда (juge,

compositiōni et iudicio rāgum innixō, gāvisi), безъ всякаго различія между Варягами и Славянами, общій для Шведовъ и Датчанъ, какъ и для Франковъ и Фризовъ. Если допустить, что Новгородцы не просили законовъ изъ Скандинавіи, можно ли сомнѣваться, что Россы-Варяги написали законы, подобныя законамъ Датчанъ и Шведовъ? Изъ самого Нестора можно видѣть, что связь между Новгородомъ и Киевомъ была слаба: онъ говоритъ, что Олегъ приказалъ Варягамъ платить дань Киеву; по смерти Ярослава эта дань прекратилась, въ послѣдствіи опять часто требовали ея великіе князья. Въ XI вѣкѣ положеніе Новгородскихъ князей начало колебаться, а въ слѣдующіе вѣка государство раздѣлилось и подраздѣлилось на многія княжества; поднялись междоусобія; князья считались только военачальниками; ихъ просили, отпускали, снова призывали, какъ хотѣли. Потомъ образовалась республика аристократическо-демократическая, съ предоставленіемъ весьма ограниченной власти князьямъ.

Въ заключеніе, Рейтъ предлагаетъ свои соображенія и догадки о казакахъ и Черноморскихъ Россахъ. Кавказъ, говоритъ онъ, — это comprehēdium европейскихъ и азиатскихъ народовъ. Главный между ними Аланы съ многочисленными подраздѣленіями. Казахія, (*Казахія*) впервые встрѣчается у Константина Багрянороднаго, помѣщающаго ее выше Зихи и Папаги; названіе это означаетъ и страну; и народъ. По уничтоженіи, къ концу XII вѣка, Тьмутараканскаго княжества и по прекращеніи связи съ Византіяцами, Хазары и Казахи, народъ дикій и въ то же время свободный (*gentes liberae feritatis*), мало по малу устрояютъ свою жизнь по обычаю казаковъ, удерживая старое названіе. Главное мѣстопробываніе ихъ—Азовъ. Отсюда видно, что происхожденіе позднѣйшихъ казаковъ Русскаго государства должно относить къ Донскимъ казакамъ. Съ нашествіемъ Монголовъ возникло волненіе между народами скиѣскими, сарматскими и турецкими, сбитавшими по берегамъ Чернаго и Азовскаго морей, волненіе, усилившееся отъ распаденія Византійской имперіи. Слѣдствіемъ этого волненія было появленіе воинственныхъ союзовъ (*societates sive civitates bellicae*). Изъ нихъ византійскіе писатели упоминаютъ о союзахъ *Зиховъ*, *Абасювъ* (Черкассы), *Готовъ*, *Амаксювювъ* (кочевые Сарматы) и особенно *Тавероскиювъ*. Подъ Готами разумѣются здѣсь *Тетракситы*, обитавшіе въ приморской странѣ Тавріи, называемой *Дори* (*Dory*), „гдѣ начинается проливъ, соединяющій Азовское море съ Чернымъ“ (Прокопій *de bello Gall.* и *De aedificiis*). Я оставляю въ сторонѣ все, что говорится у Юсафата Барбаро и у другихъ объ остаткахъ

упомянутыхъ Готовъ и о ихъ городахъ, что говорили о нихъ ученые отъ Бусбека до сихъ поръ, и думаю, что этотъ предметъ требуетъ дальнѣйшаго изученія. Что же касается до Тавроскиновъ, то изъ весьма многихъ мѣстъ византійскихъ писателей оказывается несомнѣннымъ, что подъ ними должно разумѣть Россовъ вообще, и въ частности, Тмутараканскихъ Россовъ. Съ теченіемъ времени *Алаки*, *Зиги*, *Готы* (и) *Россы*, а также сосѣдніе съ ними различнаго происхожденія народы, смѣшиваясь съ Татарами, жившими по Азовскому и Черноморскому побережьямъ, мало по малу усвоили себѣ нравы и образъ жизни, языкъ и одежду послѣднихъ и вошли въ составъ ихъ войска (*Pachumeres*, *Memoriae Stritteri*, t. III, *Tataricorum* с. V). Какихъ же *Россовъ* должно разумѣть здѣсь, спрашиваетъ, наконецъ, Рейтъ? Слово *Ῥῶς* склоняемое, какъ замѣтилъ Гиббонъ; слѣдовательно, съ опущеніемъ *и* между Готами и Россами, окажутся Россы Тмутараканскіе, Тавроскины византійскихъ писателей, въ соединеніи съ Готами, съ давнихъ временъ, то-есть, *Русскіе Готы* (*consequenter copula Got̄oi inter et Ῥῶσοι omissa*, *Rossi Tmutracanenses* scilicet, *Tauroscythae pluries Byzantinis dicti*, *Gotthique*, *vinculo iisdem uniti hucusque in cognito ex tempore principum Tmutracanensium*, *consequenter Gotthi Rossici*.)

Приводя здѣсь мнѣнія Рейта, его догадки и предположенія, мы, конечно, не имѣли въ виду не только защищать ихъ, но и утверждать за ними даже относительную цѣнность; мнѣнія же его о *союзникахъ-Нѣмцахъ*, *Новгородцахъ* и *Псковитянахъ* тоже, привели не только для полноты реферата, но и какъ куріозъ. Считаемо, однакоже, долгомъ замѣтить, что нѣкоторые изъ приведенныхъ мнѣній нисколько не хуже многихъ изъ тѣхъ, которыя съ давнихъ поръ, по привычкѣ и утвердившимся авторитетамъ, пользуются общимъ вниманіемъ, приводятся и для опроверженія, и для подтвержденія собственныхъ мнѣній и догадокъ. Цѣль нашего сообщенія состояла въ извлеченіи изъ не заслуженной, думаемо, неизвѣстности замѣчательнаго во многихъ отношеніяхъ сочиненія ученаго Нѣмца, не мало потрудившагося для уразумѣнія и истолкованія древнѣйшей нашей исторіи, и притомъ въ то время, когда и между Русскими находилось такъ мало охотниковъ къ работамъ этого рода, и въ такомъ мѣстѣ, гдѣ все слагалось къ тому, чтобы замедлять успѣхъ усилій и охлаждать рвеніе. Тогдашній Харьковъ, правду сказать, представлялъ порядочную глушь, почти уединенную отъ образовательныхъ центровъ по причинѣ медленности и затруднительности сообщеній. Уни-

верситетъ только что открылъ свою дѣятельность, слѣдовательно, могъ предложить только самыя ограниченныя средства. По всемъ этимъ соображеніямъ, даже независимо отъ достоинства труда, Нѣмецъ-профессоръ, забравшійся въ эту глушь, съ самыми ограниченными средствами для занятій, изучающій русскую исторію, эту едва початую науку, силящійся объяснить темныя и согласить разнорѣчивыя историческія свидѣтельства, встрѣчавшіяся на каждомъ шагѣ, печатающій свой трудъ на латинскомъ языкѣ безъ всякой надежды на вниманіе, во всякомъ случаѣ представляетъ не только любопытное, но и назидательное явленіе.

Н. Лавровскій.
